

Въ только что полученной 9-й книжкѣ *Русскаго Богатства* напечатана, между прочимъ, статья Н. К. Михайловскаго „о г. Максимѣ Горькомъ и его герояхъ“. Статья наститаго критика тѣмъ болѣе должна интересовать нижегородцевъ, что г. Максимъ Горькій—нижегородецъ по происхожденію, и значительная часть его литературной дѣятельности, какъ и жизни принадлежитъ Нижнему.

Г. Михайловскій начинаетъ свою статью съ упоминанія о скептицизмѣ, какимъ отчасти были встрѣчены при первомъ своемъ появленіи въ печати рассказы г. Горькаго: могло возникнуть сомнѣніе, не представляеть-ли онъ изъ себя мимолетнаго явленія, подобно многимъ другимъ авторамъ, которые появлялись на литературномъ горизонтѣ съ какой-нибудь интересною вещью, а потомъ исчезали, „и помянуть ихъ нечѣмъ“.

Скептицизмъ этотъ,—говоритъ г. Михайловскій—былъ естественъ и относительно г. Максима Горькаго. Не скажу, чтобы онъ былъ устраненъ и теперь, когда рассказы г. Горькаго, частію погребенные въ такихъ литературныхъ могилахъ, какъ *Сѣверный Вѣстникъ*, да и вообще раскиданные, собраны и изданы отдѣльно. Но, во всякомъ случаѣ, два томака его рассказовъ представляютъ собою нѣчто вполне опредѣленное, притомъ такое, что можетъ доставить и художественное наслажденіе и пищу для размышленія, что можно не только съ удовольствіемъ читать, но и перечитывать, и что помянется исторіей литературы, хотя-бы г. Максимъ Горькій уже ничего болѣе не написалъ.

Г. Горькій разрабатываетъ если не совсѣмъ новый, то очень мало извѣстный рудникъ,—миръ босиковъ, босой команды, золоторотцевъ,—продолжаетъ г. Михайловскій. Въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, которыхъ впрочемъ, было всего одинъ, два, да и обчелся, и которые занимались этимъ своеобразнымъ миромъ мимоходомъ и между прочимъ онъ отдаетъ ему все свое вниманіе и весь свой недюжинный талантъ. Миръ—дѣйствительно въ высокой степени заслуживающій вниманія, какъ по своей благодарной для художника живописной яркости, такъ и по своему общественному значенію.

Останавливаясь далѣе на отдѣльныхъ произведеніяхъ г. Горькаго, г. Михайловскій указываетъ на то, что разные критики неправильно приписываютъ г. Горькому задачу грубаго противопоставленія деревни и города.

Герои г. Горькаго не къ одному мужику относятся презрительно и невѣжливо, в деревня и городъ равно вызываютъ въ нихъ недобрый и вообще отрицательный чувства. Мало того, если вы внимательно прочтете того же „Челкаша“, то увидите, что къ презрѣнію, которое босикъ питаетъ къ Гаврилѣ, приписывается

странное сочетаніе зависти и сочувствія. Одинадцать лѣтъ тому назадъ Гришка Челкашъ самъ былъ деревенскимъ мужикомъ, и въ разговорѣ съ Гаврилой онъ „чувствовалъ себя обвѣяннымъ примиряющей, ласковой струей родного воздуха, донесшаго съ собой до его слуха и ласковыя слова матери, и соледныя рѣчи исконнаго крестьянина-отца, много забытыхъ звуковъ и много сочнаго запаха матушки-земли, только что оттаявшей, только-что вспаханной и только что покрытой изумруднымъ шелкомъ озими... И онъ чувствовалъ себя сбитымъ, упавшимъ, жалкимъ и одинокимъ, вырваннымъ и выброшеннымъ навсегда изъ того порядка жизни, въ которомъ выработалась та кровь, что течетъ въ его жилахъ“.

Обращаясь къ мнѣнію не героевъ г. Горькаго, а его самого, г. Михайловскій приводитъ слѣдующее мѣсто изъ рассказовъ г. Горькаго, „гдѣ авторъ прямо отъ себя какъ будто сопоставляетъ деревню и городъ“:

„Быть можетъ порядочный человѣкъ культурнаго класса и выше такого-же человѣка изъ мужиковъ, но всегда порочный человѣкъ изъ города неизмѣримо гаже и грязнѣе порочнаго человѣка деревни“. (II, 199). Но и это мнѣніе, конечно, интересное,—въ качествѣ итога очевидно тщательныхъ наблюденій,—очень далеко отъ огульнаго сопоставленія мужика-земледѣльца и городского жителя вообще или, какъ у насъ недавно еще до тошноты часто повторяли, „деревенской и городской культуры“. Г. Горькій сравниваетъ не вообще деревенскихъ и городскихъ жителей, а лишь опредѣляемыхъ извѣстными нравственными признаками — „порядочности“ и „порочности“, причемъ относительно „порядочныхъ“ выражается сомнительно: „быть можетъ“. Да и вообще все это мимоходомъ брошенное замѣчаніе не имѣетъ большого значенія для основной темы г. Горькаго, разрабатываемой въ большинствѣ его рассказовъ. Всѣ его излюбленные герои „порочны“, близки къ тюрьмамъ, кабакамъ и домамъ терпимости, всѣ,—какъ деревенскіе, такъ и городскіе.

Откуда же явились герои г. Горькаго, какія условія выбросили ихъ за бортъ? Г. Горькій скупъ на разъясненія этихъ вопросовъ. Г. Михайловскій, задаваясь вопросомъ, „что это за послѣдніе Агасферы, которыми какою-то неумолимую внѣшнею или внутреннею силою дано предписаніе: ходи! ходи!“—говоритъ:

Агасферы не Агасферы, но невольно приходится въ голову, что это если не отголосокъ кочевого быта, то прямое наследіе или продолженіе нашей старой „вольницы“, тѣхъ „гулящихъ“ удалцовъ, не менѣе героевъ г. Горькаго прикосновенныхъ къ тюрьмамъ и кабакамъ, которые еще въ прошломъ столѣтіи слагались временами въ яркое и громкое общественное явленіе и которые, однако, никогда не считались и не могли считаться „классомъ“. А вѣдь, г. Горькій полагаетъ, что его героевъ „пора считать за классъ“. А Аристидъ Кувалда, главный философъ этого якобы класса, утверждаетъ, что онъ составляетъ „новость въ жизни“. Въ чемъ же новость? Г. Горькій, къ сожалѣнію, даетъ своими рассказами не особенно много матеріаловъ для отвѣта на этотъ вопросъ.

Самъ г. Михайловскій видитъ эту новость въ новыхъ условіяхъ жизни, создаваемыхъ ростомъ промышленности. Г. Горькій, нарисовавши (въ „Челкашѣ“) грандіозно мрачную картину подавленія человѣка его собственнымъ созданьемъ, не связалъ съ нею судьбу своихъ героевъ.

А между тѣмъ, говорятъ г. Михайловскій, пути воздѣйствія промышленнаго прогресса въ его современныхъ формахъ на образованіе Lumpenproletariat'a хорошо извѣстны. Прогрессъ этотъ „освобождаетъ“ разныхъ Челкашей, Тяпъ и проч. отъ земли и отъ другихъ „путь и узъ“, сгоняетъ ихъ къ вѣсколькимъ центрамъ, изъ которыхъ, однако, періодически выталкивается часть ихъ, иногда цѣлыми массами, на улицу въ качествѣ безработныхъ: а изъ послѣднихъ, подъ вліяніемъ разныхъ неблагоприятныхъ условій, главнымъ образомъ условій городской жизни, съ царящей въ ней еутолокой и необузданной конкуренціей, съ ея соблазнами, возбуждающими аппетитъ безъ возможности его

удовлетворенія—осѣдаютъ босыяки. Со стороны этого - то процесса, составленнаго однако г. Горькимъ безъ малѣйшей иллюстраціи, его персонажи представляютъ собою, дѣйствительно, новое явленіе. Къ нимъ примыкаютъ, съ одной стороны, деревенскіе люди, сорванные съ корня стихійными бѣдствіями, а съ другой—разные неудачники изъ болѣе высокихъ слоевъ общества, не приспособившіеся по какимъ бы то ни было причинамъ къ условіямъ жизни, въ которой родились или для которой готовились.

Но новъ не только, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ источниковъ происхожденія героевъ г. Горькаго. Нова въ значительной степени и ихъ психологія, что уже гораздо лучше раскрывается въ произведеніяхъ нашего автора.

Статья г. Михайловскаго въ сентябрьской книжкѣ *Русскаго Богатства* еще не окончена.